

Ксения Дудникова: МЕНЯ НАЗЫВАЮТ «ЧЕРНОЙ ПТИЦЕЙ С БЕЛЫМ КРЫЛОМ»

О молодой солистке МАМТа имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко Ксении Дудниковой заговорили после премьеры «Хованщины» в феврале 2015 года. Ее Марфа поразила сочетанием настоящего драматического меццо-сопрано с женской привлекательностью и актерской истовостью перевоплощения. Маргарита в «Осуждении Фауста» Берлиоза на Исторической сцене Большого театра прошлым летом закрепила впечатление, на отечественной сцене появилось новое яркое имя. Ксения Дудникова дважды номинирована Золотой маской-2017 на «Лучшую женскую роль в опере» за партии Кармен в спектакле Екатеринбургского оперного театра и Маргариты в «Осуждении Фауста». В апреле она примет участие в IV Международном фестивале вокальной музыки «Опера Априори»

Татьяна ЕЛАГИНА

Ксения Дудникова – ▼
Амнерис. Фото Олега
Черноусаи

– Ксения, мы встречаемся накануне ваших первых больших самостоятельных, вне театра, европейских гастролей.

– Верно. До этого лишь однажды, три года назад я выручала заболевшую коллегу в Риге. Исполнила с хором «Латвия» Реквием Верди. Два года назад пела Te Deum Пендерерцкого, но это все концертные выступления. Оперный дебют мне предстоит очень серьезный. Принцесса де Буйон в «Адриане Лекуврер» Чилеа, постановка Дэвида Маквикара 2012 года в лондонском Корент-Гардене. Затем, в апреле, меня ждет концертное исполнение «Орлеанской девы» в Женеве с Дмитрием Юровским. И в мае премьера «Аиды» в театре Ла-Монне в Брюсселе.

– Предстоящая «Орлеанская дева» отчасти берет начало в программе памятного вечера в БЗК «Милый друг», посвященного П. И. Чайковскому и Н. Ф. фон Мекк, где вы проникновенно исполнили дуэт Иоанны и Лионеля вместе с Андреем Жилиховским?

– Возможно. Конечно, как все меццо-сопрано, я проходила в классе арию «Простите вы...», но не выносила ее на публику. А возможность выполнить прекраснейший и незапетый дуэт из «Орлеанской» была предоставлена на фестивале «Опера априори», где я тоже оказалась почти случайно. Забавно, у меня есть авантюрная черта в характере, потому не удосужилась спросить у организа-

тора фестиваля Елены Харакидзян в какой тональности поем дуэт. И выучила все в сопрановой! Когда на оркестровой репетиции вдруг услышала на тон ниже – вздохнула с облегчением.

– Там в вашем исполнении еще было несколько ярких номеров

– Дuet Марии и Любови из «Мазепы» или Ария Морозовой из «Опричника» – какая сильная потрясающая музыка!

– Вы чувствуете, что голос за последние два-три года стал драматичней, темнее или пока тот же? Совсем в контральто не собираетесь перейти когда-нибудь?

– Мне бы этого не хотелось. Хотя, честно говоря, у меня словно два голоса. «Хованщину» я пою одним, а «Кармен» другим. А вот Амнерис включает в себя оба «инструмента». Грудной регистр есть, но злоупотреблять им не стоит, пропадет верх. Контральтовые партии русского репертуара совершенно экстремальные, потому что очень плотная оркестровая фактура.

– Но вы совсем юной умудрились спеть Ваню в концертной версии «Жизни за царя»

– Ваня мне показался для условного контральто, не так уж низко партия написана. Скорее, указание на то, что Ваня – контральто, касается тембра, его темноты и густоты.

– В театре у вас из «мужских» или, как сейчас говорят, брючных партий пока только Никлаус в «Сказках Гофмана». Вы высокая, стройная – вдруг позовут вскоре спеть, допустим, Октавиана в «Кавалере розы»?

– Ой, не знаю, не знаю! Голос тоже позволяет петь партии travestийного меццо. Но больше мечтается про женственные партии. Лежит и ждет давно сделанная и спетая на выпускном в консерватории Любаша из «Царской невесты». Просто обожаю эту музыку! Но негде дебютировать. В театре Станиславского не идет «Царская», а в большом своих прекрасных Любаш много, не до меня. Еще в плахах Далила. И, как венец, Эболи в «Дон Карлосе» – думаю, лет через пять.

– Неужели Эболи для вас сложнее всего вышеназванного?

– Абсолютно точно. Для меня – да. Эболи, вроде, тоже партия небольшая. Но это – Верди. Там задействован весь диапазон меццо, и надо сочно звучать и внизу, и на середине, и есть предельно высокие ноты в арии O don fatale. Ну и плюс шквал эмоций надо показать на сцене.

– А кто среди коллег меццо-сопрано для вас пусть не кумир, но ориентир и образец?

– Ольга Бородина, безусловно. И Елена Заремба. Из прошлого поколения – Ирина Константиновна Архипова. Со студенчества нравилась Джульетта Симионато. Еще Грэйс Бамбри, Джесси Норман – пограничные сопрано и меццо голоса. Мне также интересен репертуар на стыке голосов, например, Сантуцца в «Сельской чести», или иногда меццо с успехом поют Леди Макбет Верди. Маргарита в «Осуждении Фауста» Берлиоза, которую я спела летом 2016-го в Большом театре, тоже очень высоко написана. Эта работа стала моей сбывшейся мечтой. Еще учась в Мерзляковском училище, я услышала запись Ольги Бородиной – арию Маргариты из «Осуждения». Нашла ноты, выучила – но выносить на публику педагоги побоялись, слишком юная я тогда была. Маргарита очень страстная и ранимая одновременно, близка мне. В отличие от Амнерис, партии сложной и опасной психологически.

– Кто же тогда из героинь ближе всего?

– Любаша и Далила.
 – Ого! Обе стервы и убийцы.
 – Нет, я иначе воспринимаю. Это многогранные, а не плоские образы. Они совершают грехи от большой любви. Любаша ведь не хотела смерти соперницы. У Далилы стоит выбор между любимым мужчиной и судьбой своего народа, и я бы тоже пожертвовала личным ради гражданского долга.

– Да вы – комсомолка по натуре!
 – Один коллега меня назвал «черная птица с белым крылом». Все в моих героях с сумрачным налетом, но стремится к свету. Даже Амнерис – тварь, всех на смерть обрекает, но тоже ее жалко, сама в финале рыдает и погибает в нашей постановке.

– Когда вам предстоит воплотить исторический персонаж, читаете ли об эпохе, прототипах и т.д.?

– Безусловно. И нас к этому всегда призывает Александр Борисович Титель. Знание эпохи необходимо, чтобы понять логику поступков, даже манеру поведения персонажей. Вот сейчас я буду петь реально живущую во Франции в XVII веке Принцессу де Буйон. Исторически сомнительно, что она отравила актрису Адриенну Лекуврер. И тем более интересно сравнивать фабулу либретто с ее подлинной биографией.

– Сильный сценический мандраж у вас до сих пор перед выходом?

– В зависимости от состояния голоса, души и тому подобного. Сейчас уже временами, а пару лет назад бывало на грани.

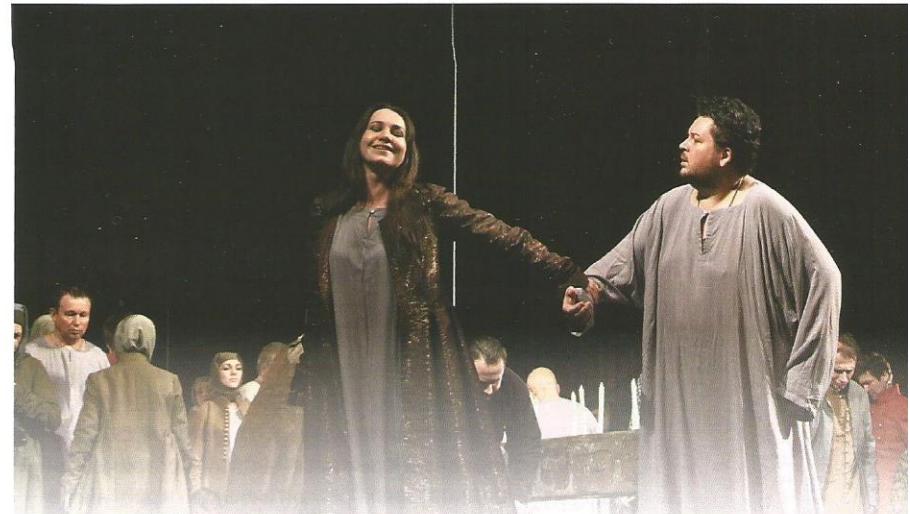
– Да, когда прочитала в интервью, что перед «Хованщиной» видите сны, где горите заживо, и даже запах опаленной плоти ощущаете, заволновалась о вас. Так и заболеть недолго!

– Все зависит от индивидуальности каждого артиста. Я себя считаю замкнутым человеком, даже застенчивым. И когда начинала в театре работать, все время наигрывала. Мне стыдно и неуютно выдать то, что у меня внутри, а при этом надо делать лицо. Это противоречие нехорошо для рисунка роли, и для голоса. Надо искать искренние ноты в звучании, чтобы донести смысл. Можно великолепно петь, но не трогать никого своим пением. Для меня, как для слушателя, даже не столько важен сам голос, как его эмоциональное наполнение. Мне бывает интересно, насколько я могу наполнить паузу, сделать доступный посыл в зал. И для того, чтобы себя раскачать эмоционально, я углублялась в такие опасные вещи, как сгорание Марфы. Или в Амнерис однажды до крови себя поранила в финале, изображая, что вскрываю вены.

– В современных режиссерских постановках часто требования к артистам на грани или даже за пределами физических возможностей и моральных принципов. Каковы критерии «не могу, не буду» для вас?

– Голой ходить по сцене абсолютно не могу. Хотя откровенные эротические сцены теперь, после Кармен в Екатеринбурге, считаю, что освоила. Там, кстати, пришлось и научиться играть на стаканах вместо кастаньет. Найти бутафорам такие прочные, чтобы не бились при ударах друг о друга, непросто. Дважды они раскалывались на сцене, а в служебной квартире я перебила все чашки, пока тренировалась.

– Как вам самой кажется – теперешний взлет карьеры был обусловлен, подготовлен предыдущими годами? Или сыграло роль то самое «повезло», когда в

спектакле МАМТа вас отметил профессор Д. Ю. Вдовин и устроил прослушивание к одному из самых маститых оперных агентов Аллану Грину?

– Мы регулярно занимаемся с Дмитрием Юрьевичем, он отлично слышит все мои «заморочки». И я ему безмерно благодарна за знакомство с Алланом Грином. Карьера в родном театре, где я начинала студенткой и хористкой, участие в концертных проектах Валерия Кузьмича Полянского, «Кармен» в Екатеринбурге – всё замечательно. Был период наработки опыта, репертуара и выносивости. Но хотелось большего движения вперед. А оно возможно именно в солидном международном агентстве, как Zemsky/Green.

– Давайте поговорим о камерном репертуаре.

– Мой первый сольный концерт в Малом зале консерватории состоялся в апреле 2016 года. Вместе с пианисткой Екатериной Ганелиной мы исполнили «Пять песен на стихи Матильды Везендон» Вагнера и «Песни и пляски смерти» Мусоргского. Сейчас больших сольных концертов не планирую. Хотя участие в камерных вечерах мне очень нравится. В прошедшем ноябре у нас в МАМТе, в Зале имени Моцарта вместе с Юрием Фавориным я спела «Бестиарий» Пуленка – шесть маленьких иллюстративных песен о животных.

– Юрий Фаворин – концертирующий пианист, лауреат международных конкурсов. Отличался ли его подход к ансамблю, процесс работы с вами от вокальных концертмейстеров?

– Меня об этом спросил и сам Юрий. Скажу так: прежде всего, должен быть по-настоящему хороший музыкант. Пианист-солист, выступая с певцом, ансамблирует так же, как исполняет концерт для фортепиано с оркестром. Ансамблевость – свойство хорошего вкуса. Юрий Фаворин в этом смысле потрясающе чуткий партнер, добавок милый и скромный человек.

– Что бы хотели в дальнейшем исполнить из камерного репертуара?

– Программу из песен Листа. Еще очень хочу петь Малера – «Песнь о Земле» или «Песни об умерших детях». И испанскую музыку – де Фалью, Гранадоса. В апреле в рамках фестиваля «Опера априори» меня ждет опять неизданное. Российской премьерой концертного исполнения оперы Яна Сибелиуса «Дева в башне» будет идти в один вечер с «Кашеем Бессмертным» Римского-Корсакова.

– Концептуальное сочетание. Что для вас заманчивей?

– Конечно, Кашеевна! В опере Сибелиуса партия совсем небольшая. Но, правда, придется ее выучить в оригинал, по-шведски. И времени на это, как всегда, в обрез.

▲ Николай Ерохин – Князь Андрей Хованский, Ксения Дудникова – Марфа
Фото Олега Черноуса